

«В НЕБЕ ЖАВОРОНОК ПЕЛ...»

(Уроки доброты Александра Береснева)

Когда задумываешься, каким должен быть поэт, посвятивший свое творчество детям, первая мысль, которая приходит в голову, — человеком простым, честным, великодушным. И способным передать эти качества маленьким читателям.

Известно, что академик Павлов полагал: нравственные основы личности — будущего гражданина и патриота — едва ли не вполне формируются в раннем детстве. Вот почему так важно помнить: в поэзии для детей не должно быть фальши, неискренности — подобное чтиво особенно опасно для неокрепшего нравственного сознания. Если в стихотворении появляются ноты морализаторства, правдоучительности — откровенного разговора не получится.

В моем представлении «детский» поэт — это человек, чувствующий мир с детской непосредственностью и наивностью и наделенный даром воплощать это чувство в своих стихотворениях. Таким я вижу Александра Михайловича Береснева, безвременно ушедшего от нас поэта, чье творчество отмечено печатью подлинного таланта. Вот его стихотворение «Кот-проказник»:

Кот Василий напроказил:
Он тайком в сметану лазил.
Мама Ваську вмиг за дверь:
«Вот намерзнешься теперь!»
Хоть и права он плохого,
Жалко мне кота до слез:
Ведь его совсем босого
Выгоняют на мороз.

Казалось бы, куда педагогичнее одобрить наказание — ведь оно, хотя и суровое, но по заслугам, тем более что

кот, судя по всему, — «хронический» воришка. Но это — с точки зрения взрослого, привыкшего к подобному «мелкому» насилию в повседневной жизни и не особенно раздумывающего — всегда ли оно уместно? В стихотворении же иная логика — поэт смотрит на происшествие глазами ребенка. Из этой логики — логики чуткого детского сердца — и вырастает чувство, обостряющее духовное зрение, дающее возможность обнаружить жестокость в справедливых, как нам нередко кажется, взаимоотношениях с животными, природой, друг с другом.

В поэзии Александра Береснева нет эмоциональной сумятицы, все подчинено главной задаче: крепить в детской душе естественную потребность в сопереживании. Вот почему мальчишка кота Ваську воспринимает почти как своего друга-сверстника. И эта яркая органичная метафора — «совсем босого» — как нельзя лучше очеловечивает животное, говорит о его незащитности и вызывает жалость к нему. Характерно, что чувство доброты в стихотворении не избирательное, не рассудочное — легко было бы полюбить кота «прекрасного во всех отношениях», но Васька не из таких — «права он плохого», «испорченный» и «трудный», — и все равно он для мальчишка хороший.

В этот момент детская душа, наверное, особенно хорошо растет вверх, в ней крепнет любовь ко всему живому.

Идея сопереживания у поэта неназойлива, она — в самом миропонимании лирического героя, в его поступках. Вот, бегая «по кустам» и «найдя гнездо под кочкою» — «шесть голых птенчиков», он тут же решает: «Ни коршуну, ни ворону// Не дам в обиду их».

Пусть кошки не пытаются
Прокрасться к малышам.
Стою я с хворостиною,
Смотрю по сторонам.

В этой наглядной и простой картине идею доброты очень хорошо выражает метафора «малыши», она растворена в образе часового, бдительно охраняющего своих питомцев.

Дать юному читателю нравственный урок — никогда не было для поэта самоцелью или сверхзадачей, иначе начала бы действовать энергия головной мысли, способная подавить сердечное, непосредственно-эмоциональное чувство, неузнаваемо исказить саму идею. Лирический герой Александра Береснева полон ощущения духовного равенства со всеми братьями нашими меньшими — они ни-

чуть не глупее человека. Его душа не чувствует себя выше или значительней других, она тянется к солнцу вместе со всеми, никого не пытаясь обогнать. (Надо ли говорить, как это важно в смысле формирования нравственных основ экологического сознания!)

В одном из стихотворений ребята, нарядившись во «взрослую» одежду, хотели подоить корову Зорьку: она мгновенно раскусила хитрость

И победно промычала:
«Ну и выдумщики! Му-у-у!»
Я же с самого начала
Разгадала что к чему».

Да, именно — *победно*, это слово очень многое говорит о характере взаимоотношений между детьми и животными. Очень важно, чтобы читатель с малых лет почувствовал, что мир живой природы ничуть не бессмысленней, не примитивней цивилизованного мира, что человеку радостнее и приятнее не покорять, не завоевывать, а любить и уважать. И наверное, ничто более не делает человека доброжелательней, дружелюбнее, как равноправие, творческое и полезное общение с животными.

Эту сообразительную корову не так-то просто обвести вокруг пальца. Как тут не посетовать, что иные стихотворцы, заигрывая с маленьким читателем, намеренно показывают животных упрощенно — такими недоумками, у которых все шиворот-навыворот. «Что же ты делаешь, глупая лошадь, — разве здоровье тебе не дороже!» — пропозитирует один автор, показывая лошадь, снявшую под дождем свои калоши, чтобы уберечь их от порчи. Мало того, что образ этот — нежизненный, надуманный, он вызывает в детском воображении существо приниженное, бессмысленное. Себя же ребенок при этом чувствует «уменьким» — так внедряется в его душу вирус самомнения, самолюбования.

Александр Береснев не боится поставить своего героя в неловкое положение перед «лицом» четвероногого друга.

Я плыву навстречу маме,
Впереди плывет щенок.
Я руками и ногами
Задеваю за песок.

Щенок плавает лучше мальчика, но у того нет зависти — разве обязательно быть первым, если между ними настоящая дружба. «Да это же негигиенично — купаться

вместе с животными!» — возмутится какая-нибудь слишком взрослая и строгая читательница. Но истинная доброта не стремится быть «гигиеничной», это — не дистиллированная вода, а живое человеческое чувство, противоположное тому, которое иногда внушают детям взрослые, заставляя выбрасывать за двери выросшего и ставшего «громоздким» и неудобным щенка или повзрослевшего котенка. (У Александра Береснева немало «приземленных» образов — вроде жучкиного хвоста, мокрого щенка или коровы Зорьки, когда она «целый год жует, жует, жует, жует», — все они выверены строгим вкусом и не кажутся натуралистичными, их существование психологически и художественно оправдано.)

Поэт умеет показать глубокое и подлинное чувство мальчика, который, конечно же, никогда не бросит щенка Бобку. Между их внутренними мирами автор не делает перегородок, никому не отдает предпочтения.

Поэт никогда не щелкает какого-нибудь своего четвероногого героя по носу: мол, знай свой шесток — как это сделал один сочинитель, заставив девочку, жующую шоколадные конфеты, сказать кошке, которая смотрит на нее во все глаза:

Я не дам тебе конфет,
Потому что от конфет
Станешь толстой,
как буфет

Юмор получился не только плоский, но и эгоистичный, проникнутый духом отчуждения и — пока что неосознанного — высокомерия...

Внутренний мир лирического героя Александра Береснева устроен по законам самой бескорыстной и радостной любви к ближнему. Деревенский мальчишка так поглощен чужими заботами, что ему совсем не остается времени, чтобы подумать о «личном»: обязательно ли есть манную кашу, надо ли «умываться по утрам и вечерам» (конечно, «надо» — никто не сомневается, но поэтизировать эти естественные процессы — не значит ли делать предметом гордости то, что должно совершаться буднично и просто? Забота о чистоте собственного тела или о своем меню — тоже нелишняя, но все-таки в ее основе — любовь к собственному «я», стремление сделать «как лучше» только для себя и ради себя).

Характерно, что утренняя зарядка лирического героя — не самоцель. Сначала он «помчался босиком» к реч-

ке, искупался, а потом «С хворостиною в руке //Проводил гусей к реке».

И полил, ведром звеня,
Огурцы на грядке...
Вот какую утром я
Делаю зарядку!

В поэзии Александра Береснева отсутствует проблема «личного удовольствия» или «благополучия». Лирический герой полнее всего раскрывается в беспокойстве о других. Вот он несет блины на ферму, где живет «теленочек маленький» — «озорной, смешной и ласковый»; вот разговаривает с тыквой: «Почему не ходишь в гости, //А грустишь весь день в траве?» Он способен посочувствовать даже огородному пугалу:

Нелегко в ненастье
Грядки сторожить...
Где бы мне для чучела
Зонтик раздобыть?

И, конечно, живая природа в стихах Александра Береснева — это мир духовной цельности и гармонии, где никто и ничто не бывает «лишним» или «ненужным». Каждый здесь по-своему хорош, даже гриб с неблагозвучным именем «сморчок», и тот с достоинством говорит о себе:

Я тоже съедобный и вкусный,
Но только об этом — молчок.

В природе нет ничего безобразного, утверждает поэт. Высохший репей так хорошо смотрится «на хвосте у Жучки», ядовитый мухомор «знаменит тем, что сильно ядовит». Но такие достоинства способны разглядеть только доброе сердце.

У Александра Береснева нет классификации живых существ на высших и низших. Посмеяться над какой-нибудь несимпатичной букашкой — занятное дело, но доброе ли и обогатит ли детскую душу? — так полагает поэт. А не прорастут ли такие семена в детской душе чувством пренебрежения к живой природе? Едва ли думали об этом стихотворцы, которые вдоволь поиздевались в своих сочинениях над беззащитными жуками, пауками и пернатыми; едва ли они подозревали, что в подобном взгляде есть что-то от права сильного — когда «все дозволено». В мире детства не бывает маленьких жестокоостей или маленьких страданий — ребенок еще не способен

определить их «величину»: он не умеет гасить эмоции в лабиринтах рассудка, а воспринимает все потрясения напрямую — сердцем.

Человек, посвятивший свое творчество детям, должен обладать обостренной способностью ощущать даже самые малые дозы зла в отношении к природе, к животному миру, слышать жалобы и стоны, которых никто не слышит; видеть сердцем муки, которые терпят братья наши меньшие, подчиняясь неумолимой и далеко не всегда доброй воле человека.

Не забуду, как однажды, когда мы проезжали на трамвае мимо зоопарка, Александр Михайлович назвал его «тюрьмой для птиц и зверей». Он говорил, что запертые в клетках похожи на заключенных и показывать их детям — значит, приучать детей не только к жестокости, но и к лицемерию. Ведь ребенка с малых лет учат любить своих друзей: «зайчиков», «лисишек», «олenenков», и вот, придя в зоопарк, он видит их лишенными свободы. Причем ему говорят, что так и должно быть, что зверям тут хорошо...

Конечно, с точки зрения рационалиста, в этих моих доводах сплошной «максимализм» и «крен». Но я уверен, что по главной, духовной, сути поэт во многом прав — хотя бы в том, что ребенок, которого за руку привели в зоопарк, увидит сказочную жар-птицу, — о которой он мечтал с тайным восторгом и волнением, — за неленой железной сеткой с табличкой «Павлин» и непременно будет разочарован и огорчен. Мир доброй и светлой сказки в одно мгновение может поблекнуть.

Характерно, что в поэзии Александра Береснева много света и простора, здесь звери и птицы чувствуют свое достоинство, способны научить ребенка доброте и красоте. В одном из стихотворений мальчишка встречается с куликом у болота и просит показать ему итенцов. Кулик отвечает:

Для тебя всегда готов.
Вот сюда под куст взгляни!
Только тихо — спят они.
Все красивы, длинноносы,
Очень любят комаров...
Если больше нет вопросов —
До свиданья, будь здоров!

В монологе маленькой птицы — не только доверие, но и сдержанная строгость более мудрого товарища к младшему — мол, ни к чему праздное любопытство. Кулик для мальчика — не игрушка, не зрелище, а наставник.

Он — олицетворение великодушного мира природы. Такие уроки учат сопереживать, соучаствовать, вдумываться в ее законы.

В творчестве поэта воплощены некоторые из наиболее важных духовно-эстетических традиций русской поэзии (неразрывной частью которой является поэзия для детей) с ее обостренной сострадательностью, высоким уровнем нравственного сознания, близостью к народному мироощущению. Главный герой — деревенский мальчишка — по духу, складу характера и образу мыслей — современный маленький крестьянин. Его родители — простые труженики: «я отцу обед несусь, он пастух, коров пасет»; мать — доярка, дед — что называется — «от сохи». И вполне естественно, что мальчик видит мир по-крестьянски, умея оценить «особинку», красоту каждого растения. «Приходите в огород, //Посмотреть, как мак цветет», — приглашает он, —

Как подсолнухи
В картошке
Тянут к солнышку
Ладошки.
Как от утренней росы
У бобов
Блестят усы.

Этот мальчик уже умеет не просто смотреть, но созерцать и делать для себя небольшие, но удивительные открытия:

Вербы первыми в апреле
У овражка расцвели,
Словно им на ветки сели
Бело-желтые шмели.
Вешним солнышком согретый,
Скачет к вербам воробей.
И глядит, как ветер с веток
Сдуть пытается шмелей.

По-крестьянски несуетливая любознательность, с которой смотрит непоседа на знакомую вербу, позволяет ему увидеть чудо реальной, а не вымышленной природы. И как хорошо, что с этой маленькой сказкой он встретился не на картинке с изображением неведомой экзотической, заморской страны, а неподалеку от отчего дома, «у овражка». Об этих вербах и овражке скажет он, повзрослев: «Тихая моя Родина...» Именно здесь корни его патриотизма, любви к своему *родному*, *незаемному*. Нет, это не красивые слова и не преувеличение — учиться понимать и уважать природу, по мнению поэта, надо как родную

мать — с первого дыхания, с первых своих шагов по земле, а не только с того мгновения, когда приколот на грудь октябрятский значок или повязал пионерский галстук или когда едешь на комсомольскую стройку.

Любовь к Родине неотделима от любви к земле, а такая любовь может родиться и окрепнуть лишь в полезном деле на благо этой земле. «Меня часто спрашивают и даже просят научить... любить землю, любить сельский труд. Как же, — отвечаю, — можно научить любить землю, труд на ней без занятий трудом с юных лет? Это похоже на то, чтобы попытаться научить людей плавать без воды», — пишет народный академик Терентий Семенович Мальцев в своей книге «О земле-кормилице».

Такие «занятия» требуют и упорства и настойчивости. В одном из стихотворений мальчишка пробует косить траву. Пока что у него не совсем получается: «Вжик — и в землю, //Вжик — и в пень». «Все равно научусь!» — упрямо говорит мальчик. И он уже умеет очень многое. Вот на покосе ворошит сено:

Я знаю: дело важное,
И не жалею ног.
Таскаю сено влажное
Туда, где солнцепек.

Довольно ловко владеет он топором (наверное, этот топор и поменьше и полегче, чем у взрослых, но настоящий, а не игрушечный):

Я колю дрова весь день
И ношу к сараю.
И куда девалась лень,
Сам не понимаю.

Конечно, мальчишка работает не без отдыха; но он думает, беспокоится о деле, — о том, как сделать лучше, больше, — действительно, «весь день».

В труде формируются такие качества характера, как самообладание, упорство в достижении цели. Душа ребенка получает свой первый обжиг, и от этого обжига зависит ее жизнестойкость в будущем.

В творчестве Береснева отразилась одна из характерных особенностей русской поэзии — стремление показать формирование внутреннего мира ребенка не в призрачной и фантастической сфере, ничего не имеющей общего с миром взрослых, а в реальной крестьянской среде, хранительнице лучших духовно-нравственных национальных традиций. Говоря о проблемах развития современной дет-

ской поэзии, нельзя не сказать о том, что приблизиться к народному миропониманию окружающей действительности удастся далеко не каждому детскому поэту — даже из тех, чье имя обрело известность и популярность. Куда проще увести юного читателя в вымышленные и несуществующие страны, где неоформившуюся душу буквально ошеломляют фантастические образы деревьев, животных, где никто круглый год ничего не делает, где «счастье постоянно — жуй кокосы, ешь бананы». Я отнюдь не против фантастики и приключений, но понятие «счастье» для шести—десятилетнего человека не должно означать сплошного ничегонеделанья или бесконечных странствий по неведомым странам или планетам. Пусть и это будет — но в разумных пределах, согласно пословице: делу — время, потехе — час. Основным чтением должны служить произведения, в которых воплощены главные заветы русской классики: подлинное счастье немислимо без чувства Родины, любви к своему краю, без посильного труда. Иначе где гарантия, что детская литература не станет проповедницей индивидуализма, потворствуя формированию такого типа сознания, о котором говорил И. Гончаров в романе «Обломов»: «...его все тянет в ту сторону... где нет заботы и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье, поесть за счет доброй волшебницы».

Слова В. Г. Белинского о том, что литература — это народное сознание, в полной мере применимы и к детской литературе. В народных сказках, например, нет ни легковесных подвигов, ни убаюкивающего благополучия, ни бессмысленных трагедий и ужасов. Высокохудожественность коллективной фантазии, вымысла в том, что они вырастают из реальных забот и чаяний людей. В народной педагогике не принято отстранять ребенка от посильного участия в делах взрослых. Эта черта ярко выражена и в творчестве Береснева.

Снова дедушка лошадку
В волокушу запряжет.
Сивку я припшпорию пяткой,
Свистну звонко — и вперед.
Я верхом легко проеду
Там, где трактор не пройдет.
— Эй, работнички, обедать! —
Тетя Маша позовет.
И она, колхозный повар,
То ли в шутку, то ль в серьез
Скажет: «Шарень ты толковый,
Настоящий конновоз!»

Час на отдых. Можно плавать,
Рыбу удочкой удить.
Не работа, а забава —
К стогу копны подвозить!

Для шестилетнего человека прокатиться верхом на лошади — настоящее счастье. Труд для него еще неотделим от игры, но его «детский мир» (термин, пущенный кем-то с легкой руки, словно узаконивает отлучение ребенка от всякого труда) полон реальных радостей и забот. Это не разноцветный мячик в руках поэта-иллюзиониста, а живой, конкретный мир, пронизанный ощущением значимости. И похвала — «настоящий копновоз», — и призыв, который относится и к нему — «Эй, работнички, обедать!» — наполняют сердце ребенка не игрушечной, не ирреальной, а земной радостью труженника. Пусть невелика подмога от копновоза — главное то, что он сопричастен к настоящему, «взрослому», полезному делу. Оно заставляет быть сноровистее, самостоятельней, а еще — учит душу радоваться обыкновенному труду. Вряд ли у пресыщенного и избалованного ребенка может быть такая восторженность и полнота мироощущения:

Раскину руки
И бегу,
Остановиться
Не могу.
По дугу мчусь
Вперед, вперед,
Как реактивный
Самолет.
Бегу,
От радости кричу,
Еще чуть-чуть —
И полечу!

Как видим, у этого мальчишка — романтическая душа, он сам сочинит любую сказку и станет ее участником. В обыкновенном ручейке он видит «небо, лес и облака». И хотя, конечно же, знает его глубину и поил из него коня, — может представить себе, что «там такая глубина!»

Этот деревенский мальчишка — большой выдумщик и шалун. Ему иногда хочется «посидеть на суку». Если окликнут, ответить: «Ку-ку!» Он мечтает «прокатиться на тучке верхом»,

Быстрым стрижом
Пролететь над рекой,
Небо и солнце
Потрогать рукой.

И, пожалуй, ничего странного нет в том, что он пытается

воплотить в письменном слове свои чувства и заветные мысли. Маленький романтик проводил на юг гусей и не забывает о своих друзьях:

Жду вас, гуси, с нетерпением,
Все гляжу, гляжу в окно,
Я о вас стихотворенье
Написал давным-давно.

Стихи этого юного поэта, скорее всего, — неумелые и корявые, но дело не в них, а в таинственной и доброй любви ко всему живому, которая будоражит душу.

Говоря об особенностях поэзии для детей, нельзя не заметить, что она, «благодаря» нашей критике, заняла место «второразрядной» и находится как бы на задворках «большой» литературы. Анализируя детские стихи, принято почему-то судить о чем угодно, только не о подлинности поэтического чувства, глубине лиризма. Среди современных теоретиков утвердилось мнение, что детская поэзия — «это не «крик души», это, как правило, не лирический дневник... Детским поэтом — при наличии таланта, любви, желания — зачастую становятся не от эмоций, а от понимания или предвидения задачи». (О литературе для детей. Л.: Детская литература. 1986. Вып. 29. С. 87.)

Вот так-то — «при наличии таланта» можно, оказывается, и без эмоций. Но зачем же «унифицировать» поэзию — ведь такой «талант» не что иное, как ремесленничество (а не творчество), когда автор воспринимает жизнь рассудком, а не сердцем.

И я в который раз вспоминаю тот ясный летний день: вижу Александра Михайловича — мешковатый пиджак, невеселые, с проседью, коротко стриженные волосы, — он провожает взглядом колонну автобусов. Из их окон выплескивается на проспект звонкий ребячий щебет. Колонна скрылась из виду, можно было переходить дорогу, и тут я заметил на его глазах слезы. Ему, уже далеко не молодому человеку, немало испытавшему на своем веку, выросшему без отца в большой крестьянской семье, то и дело обжигало душу это соприкосновение с миром детства... Он всякий раз потом не мог уснуть, воскрешая в памяти те невообразимо далекие свои счастливые годы, заново переживая радостные и грустные минуты, отрешаясь от тягот, забот и суеты теперешней жизни. В основе каждого стихотворения Береснева — пережитое переживание, его поэзия — это лирический дневник, в котором слышится мне крик души, раненной дорогими звуками и образами прошлого. Из этого сдерживаемого кри-

ка и возникает необыкновенная лирическая энергия, придающая поэтическому чувству мягкость, теплоту, нежность (этот «крик» — внутренний, целомудренный, родственный тому, что пронизывает «тихую» лирику в современной поэзии). Лучшие стихотворения Александра Береснева, на мой взгляд, вполне отвечают самому высказательному эстетическому и художественному вкусу. Вот, например, «Жаворонок»:

В небе жаворонок пел,
Колокольчиком звенел.
Порезвился в сивеве,
Спрятал песенку в траве.
Тот, кто песенку найдет,
Будет весел целый год!

Своеобразие поэтического чувства — в какой-то наивной, необъяснимой радости открытия мира — самого первого открытия. Будут и другие потом, но такое — наивное и светлое — вряд ли. Есть в этих строках что-то и от детской считалки — легкий и вместе с тем отчетливый ритм как нельзя лучше соответствует настроению стихотворения — праздничному и светлому. С таким настроением хорошо идти купаться на речку и щуриться на близкое сверканье воды, закрываясь ладошкой от солнца. В эти минуты земля кажется невесомой и полной чудес. Это предощущение чуда и воплощено в стихотворении. Сочетание реального и фантастического и лежит в основе того необыкновенного лирического чувства, которым полна детская душа, ведь каждый ребенок — это всегда маленький поэт, ибо видит мир только в идеальном свете.

Стихотворения Александра Береснева кажутся мне незатейливыми, ясными и чистыми песенками жаворонка, каждая из которых спета на одном дыхании и неотрывна от красоты родной природы, Родины. Автор сумел создать образ современного ребенка с душой целомудренной и скромной, воспринимающего мир творчески — с жаждой чего-то удивительного и необыкновенного. Его душа особенно талантлива: она имеет народные корни, правда — им еще не хватает разветвленности и силы.

И своим художественным словом, и своим отношением к миру, к людям — в числе лучших современных детских писателей — поэт наглядно показал, на какие духовно-эстетические ориентиры следует равняться, каким неторным и честным путем надо идти, чтобы освободить поэзию от безыдейности и нравственной глухоты.

Поэзия Береснева — как и всякое подлинное искусство — противостоит мертворожденным идеям эстетству.

щих теоретиков, безответственности «практиков» — стихотворцев, которые видят в творчестве все, что угодно, только не поиск «просветляющей доброты», только не воплощение демократических традиций русской классики и народных идеалов.

Отрадно сознавать, что они, эти идеалы, определенно присутствуют в поэзии Александра Береснева. Он сумел накопить в своих стихотворениях именно тот неиссякаемый запас бескорыстной «наивной» любви и участливой неумышленной простоты, который, на мой взгляд, крайне необходим в наш век сплошных «акселератов» и «вундеркиндов».

Такую поэзию можно назвать школой доброты, а это едва ли не самая главная школа в жизни. Мир доброты — возвышенной, романтической — противостоит всему рационалистичному, неискреннему, с чем неминуемо сталкивается ребенок, как бы его ни ограждали от этого.

Такая поэзия особенно притягивает к себе сердца маленьких читателей, у нее — счастливая судьба и большое будущее.